

Геннадий Ангелов

Нож ТУМИ

Западня для киллера

Геннадий Ангелов

Нож Туми

«Автор»

2015

Ангелов Г. Е.

Нож Туми / Г. Е. Ангелов — «Автор», 2015 — (Западня для киллера)

Древнее оружие инков хранит массу секретов и не хочет ими делиться с современниками. Однако, как известно, даже палка один раз в год стреляет. Легендарный нож Туми – грозный и величественный предмет культа прошлого попадает в руки известного коллекционера. Нож странным образом, среди бела дня, похищают вместе с другими старинными вещами. Кто стоит за таинственной кражей? И почему, и для какой цели была похищена девушка криминального авторитета? Детективное агентство «Кобра», во главе с майором Протасовым, берётся за расследование сложного и запутанного дела. На много вопросов есть множество ответов, но только один из них по – настоящему правильный. Возможно, жестокие вехи истории имеют свойство повторяться, и нож Туми продолжит своё кровавое шествие в наши дни, и унесёт в могилу не одну человеческую жизнь.

© Ангелов Г. Е., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Геннадий Ангелов

Нож Туми

Большая часть романа авторский вымысел, и совпадения с реальными людьми и событиями не более, чем случайные.

Глава 1

Сквозь узкие щели в старенькой оконной раме доносились с улицы протяжные завывания порывистого ветра. Постоялец одиночной камеры прислушивался к странным звукам, стараясь уловить человеческие голоса. Их не было. Он смотрел на кованую решётку в маленьком окне, понимая всю нелепость теперешнего положения. Сырые стены одиночной камеры давили на пленника суровым молчанием, и затхлый запах тюремной параши раздражал и без того оголённые нервы. Тонкая ткань рабочего костюма, в которую его переодели, прежде чем оставить в СУСе¹ на полгода, не грела. Белого колотила неприятная дрожь от холода и одним спасением от него были отжимания от пола, либо же приседания, от которых мышцы от непривычных нагрузок наливались свинцом. Меряя шагами камеру, узник старался, чтобы подошва кирзовых ботинок не разбудила спящих в коридоре вертухаев. Осторожно, словно дикий камышовый кот, крадущийся по зимнему лесу за своей добычей, Белый ходил от окна к двери и обратно. Усаживаясь на узкие «лыжи» шконки, чтобы перевести дыхание, Белый искоса глядел на окно. Потирая правой рукой затёкшую шею, сплюнул на пол и достал из тайника смятую пачку сигарет «Прима».

«Ну, суки, даже ватник не пропустили», – думал он, вспоминая наглую рожу «хозяина» колонии Лаптева, когда тот лично пришёл упаковать Белого. Сам проверял вещи и не брезговал копошиться в карманах и прощупывать каждый шов старенького, застиранного костюма. Даже самые клятые вертухаи, и те не всегда проводили так тщательно обыск. Им «в западло» было рыться в вещах, и гонять бельевых вшей. Бывали случаи, когда после таких обысков менты приносили вшей домой, награждая жену и детей неприятным сюрпризом. Лаптев наоборот получал удовольствие от этой работы, и пыхтел как пролетарский паровоз времён семнадцатого года. Толстая, мясистая шея Лаптева была красной, и длинные руки, казались нелепой добавкой к плотному маленькому телу. С лицом, как у бульдога, такими же налитыми кровью глазами, впивавшимися намертво в жертву, и вечно плюющий слюнями во время разговора Лаптев был типичный представитель новой власти, для которых смешать человека с лагерной пылью было в порядке вещей. Замысел хозяина колонии был прост, он хотел, чтобы на заключённого повеяло сталинской, леденящей душу жестокостью, от которой человека легко и просто можно поломать, как спичку, заставить харкать кровью, ползать на коленях и лизать подошвы ботинок, уничтожить как личность, и с особым цинизмом и наслаждением топтать, и упиваться лёгкой победой. Весь офицерский состав колонии наблюдал за Лаптевым, выстроившись в ровную шеренгу. Три прапорщика, с дубинками в руках, прохаживались по маленькому дворику СУСа, равнодушно взирая на очередную блажь «хозяина». Когда тот закончил и вытер грязным носовым платком шею, офицеры вытянулись «по струнке» как по команде, внимательно наблюдая за тем, что же будет дальше.

Заключённый стоял в гордом одиночестве возле металлической двери в СУС. Казалось, что он совсем не отягощён предстоящим наказанием. Упираясь плечом в дверь, Белый смотрел

¹ СУС – строгие условия содержания, применяются к заключённым, которые признаны администрацией колонии злостными нарушителями режима содержания. При СССР – назывался БУР, барак усиленного режима.

на караваны серых туч, плывущих по небу. В его голубых глазах не было даже намёка на страх. Поведение заключённого вывело из себя Лаптева, он вырвал из рук прапорщика резиновую дубинку и нанёс Белому резкий удар в живот, от которого Белый едва не рухнул на землю.

– Не хорошо так, гражданин начальник, исподтишка бить заключённого, – почти шёпотом сказал Белый, согнувшись от боли в три погибели.

– Ты что, мразь воровская, учить меня вздумал?

Лаптев занёс дубинку над головой Белого. Ещё несколько секунд, и он бы проломил голову осуждённому. Спас ситуацию прапорщик Мамонов, он успел перехватить руку Лаптева, и тем самым сохранил жизнь Белому.

– Успокойтесь товарищ полковник. Возьмите себя в руки.

Голос Мамонова строгий и в тоже время раскатистый, как удар грома, отрезвил Лаптева. Тот посмотрел на своего подчинённого мутными, бульдожьими глазами и опустил дубинку.

– Забери, – после секундной паузы сказал Лаптев и ткнул дубинку в руки Мамонову. Собравшись с духом, Лаптев приблизился к Белому и взял его за горло.

– Ты знаешь, Белый, по какой причине оказался на полгода в СУСе?

Белый кивнул и сжал кулаки. В гнетущей тишине послышался едва заметный хруст костяшек пальцев. Ещё бы чуть – чуть и он бы обрушил кулаки на голову Лаптева, однако сдержался и не выказывал накатившей волны гнева.

– У нас здесь нет воров, и не будет, во всяком случае до тех пор, пока я начальник этого учреждения. Уяснил? Если ты не будешь нарушать режим содержания и не станешь добавлять мне хлопот, вполне возможно, что я через полгодика выпущу тебя в лагерь. Срок твой всего три года, и мне не составит труда, держать вплоть до звонка тебя здесь. Прокурор с лёгкостью подпишет бумаги, и ты останешься сидеть под замком. Это для тебя хороший вариант, поверь мне на слово.

– Плохой какой? – спросил Белый, улыбаясь краешками губ так, чтобы не заметил Лаптев.

– Плохой, плохой, – усмехнулся Лаптев, и показал рукой на северо – восток. – Знаешь, что там находится? Далеко, правда, но это не беда. Там отменное место для неисправимых супчиков, которым кажется, что их нельзя раздавить. Ваше воровское племя для страны всего лишь маленький прыщик, нарыв. И стоит надавить на него как следует, он тут же лопнет и гной вытечет наружу.

– «Чёрный дельфин»², если я правильно понял?

– Конечно, – с нескрываемой радостью в голосе выпалил Лаптев и потёр мясистые, пухлые руки. – Открою тебе не большой секрет, у меня есть указание из Москвы по поводу тебя. Рассказать какое? Не догадываешься?

– Не – а, откуда мне знать?

Белый пожал в недоумении плечами и задержал дыхание. Он уже понимал, к чему клонит этот жирный боров.

– В стране идёт жёсткая борьба с преступностью, и таким как ты не место в нашем обществе. Мне дали указание, в случае если осуждённый не завязывает с преступным прошлым, выписывать ему бесплатную путёвку в «Чёрный дельфин». В знак, так сказать, особого расположения органов МВД, и прочих государственных структур России. А ты, как всем давно известно, не тот человек, который станет на путь исправления, так что готовься. Я лично отвезу тебя туда, и с превеликим удовольствием отдам на растерзание. Рассказывать не нужно, что из себя представляет «Чёрный дельфин»? Думай Белый сам, хотя это пустой номер. Лично я

² «Чёрный дельфин» (официальное название «ФКУ ИК-6 УФСИН России по Оренбургской области») – исправительная колония особого режима для пожизненно осуждённых в городе Соль-Илецк рядом с озером Развал (Оренбургская область). Самая большая колония подобного типа в России (на 1600 человек). В настоящее время в колонии содержатся – 700 человек. Количество персонала – 900 человек.

не верю таким как ты, и сам бы лично ставил к стенке и расстреливал. Помнишь из истории, как после войны расправлялись с криминалом? Не церемонились. А сейчас... И то вам и это, и всё равно продолжаете грабить народ. Тьфу, сволота.

Лаптев плюнул на землю и тщательно растёр плевки туфлями.

– В камеру его! И глаз не спускать, – рявкнул он, развернулся и отправился восвояси. За ним, словно стадо овец, потянулись вереницей офицеры, некоторые бросали жалостливые взгляды в сторону приговорённого начальником колонии осуждённого.

Глава 2

Девушка с сумочкой в руках, модных джинсах, шла по пустынной дороге. Слезы заливали её лицо, и чёрная тушь оставляла на щёчках ровные полосы. Её каблук стучали в такт начинавшему лить осеннему дождю. Он барабанил по желтеющим листьям, и грозился превратиться в град. Дорога вела в город и Лена, так звали девушку, беспечно шла к себе домой. Обернувшись назад, она увидела, как исчез за поворотом особняк Белого. В нём она жила с владельцем не один месяц. И любила... Звёзды проглядывали сквозь чёрные облака, и Лена смотрела на небо, стараясь найти ответы на вопросы, мучавшие её уже не один день. «Ну почему я такая несчастная, – твердила она и растирала тушь по щёкам. – Говорила мама, и отец предупреждал, чтобы я не связывалась с Сашкой, и на тебе, не послушалась».

– Дура! Дура! Дура! – закричала несколько раз она и топнула каблуком об асфальт. Что теперь делать? Мы же с ним не расписались... И хорошо, что не расписались, так бы ты Ленка и осталась женой зэка. Позор, какой позор...

Показались первые дома, и Лена прибавила шаг. Нахлынувшая внезапно волна страха, заставила девушку с ужасом оглядываться по сторонам. Раньше она никогда не гуляла так поздно, и даже не представляла насколько это страшно, оказаться абсолютно незащитной глухой ночью. Дождь усиливался, и Лена решила перейти на бег. Стук металлических набоек твоекратным эхом отражался от высоких домов. Люди уже отдыхали, и в редких квартирах горел свет. «Как страшно, как страшно», – твердила она, машинально втягивая голову в плечи. Ей начинало казаться, что сотни глаз наблюдают за ней из – за холодных и мрачных окон и подъездов. Высокие тени многоэтажек вставали, словно исполинские морские чудовища, готовые проглотить каждого, кто встанет у них на пути. Едва не поскользнувшись и не свалившись в канаву из – за арбузной корки, Лена перешла на бег. На ходу снимая туфельки, она побежала с такой скоростью, что смогла бы выиграть олимпиаду по бегу среди юниоров. «Эх, увидел бы меня сейчас школьный физрук, наверняка бы поставил высший бал в аттестате», – думала она, прижимая к груди, как можно сильнее, туфли и сумочку. Ветер усиливался и хлестал безжалостно по лицу. Ей казалось, что кто – то сверлит ей взглядом спину, и от навязчивых мыслей становилось ещё страшней. До дома оставалась пара кварталов, но страх разжигал, словно ветер костёр хрупкое воображение девушки. Волосы поднялись дыбом, сердце переместилось в пятки, и не собиралось оттуда выходить. И тут она заметила хрупкую тень на другой стороне улицы. Это был мужчина, в одиночестве куривший на остановке. Вокруг больше никого не было. Лена интуитивно прижалась к первому попавшемуся дереву и притаилась. «Хоть бы он меня не заметил, хоть бы не заметил...», – думала она, вытирая мокрое лицо. Ей почему – то почудилось, что этот мужчина ждёт именно её, и никого другого. Она осторожно выглянула из – за своего временного укрытия и с ужасом обнаружила, что он направляется в её сторону. Лена в ту же секунду перестала дышать. Она вжалась всем телом в дерево и длинные ноготки, пронзили толстую кору. И тут случилось то, что меньше всего ожидала несчастная девушка. Её левая босая нога поскользнулась, и она шлёпнулась в огромную лужу, при этом падая, ещё умудрилась залить водой незнакомца. Усевшись посередине лужи, она зарыдала, надеясь, что её рёв сумеет привлечь внимание других прохожих. Однако никого не интересовала одинокая девушка, сидевшая в широком и грязном болоте. Мужчина прошёл мимо, и даже не удосужился помочь. Это разозлило Лену ещё больше, и она, поднимаясь, послала порцию воды ногой в спину равнодушного человека. К сожалению Лены, а может быть к счастью, вода не попала на уходящего в глухую ночь прохожего. От обиды Лена заревела белугой, и поплелась домой. Промокшая до нитки, обессиленная, она вошла в подъезд, и шлёпая босыми ногами по цементу, поднялась на второй этаж. Нажимая на звонок, Лена не заметила, как дверь открылась и на пороге показалось заспанное лицо матери. Оно перекошилось от ужаса, когда увидела, что

из – себя представляет собственная дочь. Лена не снимала пальца со звонка до тех пор, пока не проснулся отец. Он суровым взглядом посмотрел на Лену. Извинившись перед соседями за свою непутёвую дочь, которая в час ночи переполошила весь дом, затянул Лену в квартиру и закрыл дверь на замок. Усадив дочь на стул, отец побежал на кухню за стаканом воды. Мать в слезах вытирала дочери лицо полотенцем и гладила по мокрым волосам. Лена тупо молчала, и абсолютно безжизненно смотрела в одну точку на стене.

– Выпей доченька, – сказал отец и протянул стакан с водой.

Безжизненными пальцами Лена взяла стакан с водой, и жадными глотками выпила до дна. Едва не захлебнувшись, она закашлялась, и слёзы брызнули у неё из глаз.

– Сашу посадили, – слабым голосом промолвила она и уткнулась как маленькая девочка лицом в живот матери.

– Говорил я тебе, говорил не один раз, не связывайся ты с ним. Вот видишь, как всё сложилось. Кто родителей не слушает, тот всю жизнь страдает, – сказал гневным басом отец и ушёл на кухню. Там послышался звон посуды, и в квартире запахло водкой. Лена от слов отца ещё больше зарыдала, обнимая мать не могла успокоиться.

– Помолчи, дурак старый, набросился на девочку прямо с порога. Не спросил, как и что, и давай обижать. Включи колонку и набери в ванну горячей воды. Ты видишь, что она вся дрожит. Не дай Бог ещё заболит.

Тело Лены сотрясала мелкая дрожь, она перестала плакать, и смотрела на мать большими, словно у куклы Барби, печальными глазами. В ванной зашумела вода, и мать побежала за свежим и чистым бельём. Пока она ходила Лена сняла мокрую футболку и бросила её на пол ванной. Отец тем временем успел закипятить воды и заварил чай.

– Выпей доченька и не сердись на меня, – сказал он ласковым тоном. – Сейчас согреешься, мамка тебе кровать застелет, и ляжешь спать. Утром проснёшься, и всё плохое останется позади. Правильно сделала, что пришла домой, мать вон места себе не находила последнее время, как чувствовала, что случится беда. Так же мать? – крикнул громко отец.

– Так, так, – мне вон и сон плохой приснился, я отцу рассказывала. И на тебе, сон оказался в руку. Вот бельё тебе чистое, я дверь прикрою, а ты не торопись, полежи пол часика, согрейся. Я налила настойку календулы, она хорошо успокаивает нервы.

Мать поцеловала Лену в лоб и закрыла дверь. На цыпочках направилась в зал и потянула мужа за собой.

– Вот чувствовало сердце материнское, что случится беда. А парень не плохой, что же произошло?

Они вдвоём сидели на стареньком диване обнявшись. Сорок лет брака, и в горе и в радости. Людмила Ивановна склонила голову на плечо мужа и гладила рукой по груди. Пётр Николаевич тяжело вздыхал и вспоминал счастливые времена Союза.

– Ты постелила дочери?

– Конечно, не волнуйся. Зря ты с порога на неё набросился. Нельзя так. Всякое в жизни бывает. Тем более что любила она его, я точно знаю, и расписаться они планировали, и поехать за границу отдохнуть.

Пётр Николаевич включил телевизор и принялся смотреть повтор футбольного матча. «Зенит» играл со «Спартак», матч был интересным и захватывающим. Жена задремала у него на плече, и спохватилась только через час, когда уже футбол закончился и на экране телевизора мерцала заставка и писклявый звук пронизывал, как бормашина у зубного врача.

– Петя, Петя, проснись, толкала она в бок мужа, пытаясь разбудить. – Лена спит, или нет? Сколько времени?

Она бросилась к ванной, и принялась колотить в дверь. Пётр Николаевич выскочил с перепуганными глазами из зала.

– В комнате никого нет, постель не разложена...

– Ломай дверь, в ванной она, уснула, – спохватилась мать и закрыла рукой лицо. – Ломай, ломай, Петенька, – умоляла она дрожащим голосом супруга.

Пётр Николаевич надавил плечом на дверь. Не выдержал напора шпингалет, из него пулей выскочили шурупы. То, что увидели несчастные родители, повергло их в шок. Лена находилась в ванной в горизонтальном положении, с закрытыми глазами. Она как будто спала, на губах застыла блаженная улыбка.

– Леночка, Леночка, девочка наша, проснись, – мать схватилась за сердце, пытаясь разбудить дочь, однако ничего не получалось. Лицо Лены было смертельно бледным, словно маска из гипса. И тут Пётр Николаевич заметил на полу пустую баночку от клофелина.

– Вызывай мать скорую, быстрее, она выпила снотворное.

Ночь огласил душераздирающий рёв сирен. Машина с головокружительной скоростью неслась по городу, распугивая одиноких прохожих, спешивших укрыться от проливного дождя.

Глава 3

Чиркнув спичкой Белый закурил и сжал в кулаке сигарету, чтобы вертухай во время очередного обхода, не заметил. Выпуская дым вниз, под шконку, он уныло свесил голову и закрыл глаза. Время подходило к полуночи, вот – вот должны были появиться Седой и Червонец. С первого дня в СУСе, с Белым наладили плотную связь с лагеря. Ежедневно он получал «маявы», и был в курсе всего, что творится в колонии. Братва подогревала Белого и обещала помочь с побегом. Бежать он решил ещё в зале суда, однако помешали обстоятельства. Конвой был куплен с потрохами, но неожиданная проверка и замена начальника караула, спутала карты. Солдаты вернули деньги, и с кислыми физиономиями провожали осуждённого «под белы ручки» в автозак. Три года это был тот минимум, на который пошёл судья, при вынесении судебного решения. Прокурор просил семь лет строгого режима, но судья оказался на редкость сговорчивым человек, а самое главное дальновидным. Он взял деньги, от доверенного лица Белого и ещё до вынесения приговора, сказал, что срок будет мизерным. У судьи была молодая жена, и когда люди Белого навестили её в ночном клубе и поговорили по душам, она согласилась помочь. Евгений Иванович, правая рука Белого, сделал всё, что от него зависело, дабы Белого не осудили на полную катушку. Белый доверял Евгению Ивановичу как самому себе. Этот проверенный временем человек, заслуживал уважения. Вернувшись после приговора в СИЗО³, Белый достал спрятанный в матрасе мобильник. Закрывая спиной «волчок» на двери, набрал номер.

– Это я Евгений Иванович. Как дела?

Невидимый собеседник долго, что – то объяснял. Белый кивал головой, и изредка отвечал: «Хорошо. Я полностью согласен».

– Скажите, неужели нельзя было решить вопрос о ближайшей колонии? Кто додумался этапировать меня в Тульскую область? А, что там? Зона «красная»⁴, или не совсем? Это плохо, что вы пока ничего не знаете. Лену нашли? Ищите, не могла она исчезнуть и не оставить ни каких следов. Всё, у меня садится батарея, и не забудьте пополнить счёт. До связи.

Белый со злостью швырнул телефон на шконку и включил телевизор. «Три года срок не большой, но сидеть всё равно не хочется», – думал он, щёлкая пультом телевизора. В камере он сидел один, и никого к нему не подсаляли. Иногда Белому хотелось поговорить, и он звал прапорщика, и болтал с ним о всякой всячине. Менты с уважением относились к авторитету Белого, и лишний раз боялись косо посмотреть в его сторону. Все знали, какая за ним стоит группировка в городе, и не решались конфликтовать. В первый день к нему пришёл начальник учреждения и перевёл в благоустроенную камеру для VIP – персон. В ней имелось всё самое необходимое для человека. Отдельная душевая кабинка, умывальник, холодильник, телевизор, и прочие блага, недоступные для обычных осуждённых. Довольно просторная комната, которую и камерой назвать язык не поворачивался. Выложенная светлым кафелем, со стеклопакетами и жалюзи, и всю эту «роскошь», дополняла добротная люстра, на шесть лампочек «свечек». Пол закрыт недорогим линолеумом, и вдобавок ко всему имел свой независимый подогрев. Камера была рассчитана на одного человека, как и положено согласно европейской практике и нормам. Новенькая алюминиевая батарея, и удобный шкаф для одежды, подчёр-

³ СИЗО – следственный изолятор временного содержания. В нём содержат людей, которые находятся под следствием, и ждут вынесения приговора суда. И так же содержатся те, кого осудили, и они ждут отправки в колонию.

⁴ «Красная зона» – зона, где правит администрация при непосредственном участии заключённых. Не считаясь с «тюремным законом», например, старается посадить опущенных (петухов) в столовой за общие столы. Требуется, чтобы в столовую и из столовой заключённые ходили строем, запрещает перемещение по зоне, вход в чужие бараки и т. д. В такой зоне активисты имеют широкие полномочия и могут вести себя весьма агрессивно, поощряется слежка друг за другом, доноительство, мелочные придирки к поведению и одежде заключённых.

кивал и без того, солидный статус обитателя. Камера практически всегда пустовала, её показывали различным правозащитным организациям и иным городским и районным комиссиям. Важные чиновники оставались довольными нововведениями, и кивали одобрительно головами, когда начальник тюрьмы водил их по длинным, и мрачным коридорам. По всей видимости, бюрократы и взяточники, рано или поздно могли оказаться в столь специфическом месте, и это вселяло в них определённую надежду, что не всё так плохо в России, и перемены в лучшую сторону, «черепашьим» шагом приходили в СИЗО.

По первому требованию Белого приносили любую еду и выпивку. Несколько раз в гости приходил Евгений Иванович, и они до поздней ночи сидели и выпивали, обсуждая насущные проблемы.

Переодевшись в спортивный костюм, Белый перекусил бутербродами, заварил крепкий чай и улёгся на шконку, чтобы посмотреть очередную серию любимого фильма «Ликвидация». Тот уже начинался, когда Белый услышал грохот ключей в замке. «Кого это ещё чёрт принёс», – выругался он, и приглушил звук телевизора. Дверь со скрипом открылась и на пороге показалась незнакомая, небритая физиономия с огромным баулом за спиной. Мужик скалился, обнажая золотые коронки, и облизывал языком пересохшие пухлые губы. Уродливый шрам на правой щеке, и постоянно дёргающийся глаз, делал его похожим на неандертальца. На вид ему было не больше сорока лет. Хорошая физическая подготовка незнакомца угадывалась невооружённым глазом. На волосатой груди болтался изящный серебряный крест весом не меньше двухсот грамм, и цепочка в толщину с палец, могла послужить хорошей удавкой, в случае драки. Сняв баул, он небрежно бросил его под ноги и направился к умывальнику, не обращая внимания на постояльца.

– Прости Белый, тюрьма забита до отказа, и больше не куда его поселить, – промямлил тоненьким голоском краснощёкий прапорщик.

Он переминался на пороге, словно красная девица, и не знал, куда спрятать глаза.

– Утром я переведу его, даю слово, – резко бросил он и выскочил в коридор, словно ошпаренный кипятком.

Белый не успел и слова сказать, как щёлкнул на дверях замок, и сработала электронная задвижка. Новый сосед Белого умылся, и сняв чистое полотенце вытер им лицо и руки. Такой наглости Белый не ожидал, но решил не торопить события и посмотреть, что же будет дальше. Здоровяк молча уселся за стол, не спрашивая разрешения, налил себе из фарфорового китайского чайника чай в любимую чашку Белого.

– Хорошо ты устроился, – бросил незнакомец Белому, отхлёбывая большими глотками чай, потянувшись за пультом от телевизора. Белый перехватил руку и не дал взять пульт.

– Не понял, ты, что на неприятности нарываешься, или гостей не уважаешь? – прохрипел незнакомец и поднялся из – за стола. – Разве так встречают арестантов порядочные люди?

– Это кто здесь порядочный? Ты, что ли? – «Незванный гость – хуже татарина», – слышал такое выражение? Для начала нужно было поздороваться, и сказать о себе, кто такой и откуда, а после уже и вопросы задавать. Если разрешат, и не выкинут за шкуру из хаты. Когда широко шагаешь, можно штаны порвать.

Белый нащупал правой рукой под матрасом заточку, и крепко сжал её в руке. На его лице отражалась такая буря эмоций, что незнакомец смягчился и ответил уже не с таким гонором: «Меня зовут Вахтанг, сам я из Тбилиси, здесь транзитом».

– Кто ты по жизни Вахтанг? Блатной или мужик?

– Э – э – э, дорогой, где ты видел грузин не блатных?

– Я много чего видел за свою жизнь, и не только блатных, или мужиков. Но вот таких наглых как ты Вахтанг впервые встречаю. Ты хоть понимаешь, что уже накосячил? Менты не говорили к кому подселить тебя собираются? В какую хату бросят?

– Не – а, – ответил гость и потёр руки. И какая вера ментам?

– Ты прав, веры им нет, однако так можно и к «петухам» залететь. И на утро кукарекать вместе с их паханом. И до конца жизни потерять не только мужскую честь, но и близких людей.

Белый весело рассмеялся, когда увидел замешательство на лице «транзитного» пассажира. Аккуратно засунул заточку в карман, чтобы не заметил Вахтанг, взял чашку. Чай уже остыл и Белый включил плитку, чтобы подогреть.

– Меня Белый зовут, расслабься, я сегодня добрый.

Он хлопнул по плечу незадачливого соседа и сделал звук в телевизоре громче. Не обращая внимания на Вахтанга, принялся смотреть фильм. Гость сидел как в воду опущенный и не проронил ни звука, до тех пор, пока не началась реклама.

– Ложись Вахтанг спать, залезай на нару и спи, – сказал Белый и отправился умываться перед сном.

На душе у Белого было тревожно, но он не обратил на это внимания, ссылаясь на трудный день. Когда закончил с водными процедурами, и глянул на Вахтанга, тот уже спал, укрывшись клетчатым одеялом. Очередная серия «Ликвидации», закончилась на самом интересном месте, и Белый выключив телевизор, повернулся на бок и уснул. Ночью его мучили кошмары, и он неоднократно просыпался, и вытирал вафельным полотенцем вспотевшее лицо. Ворочаясь с боку на бок, только под утро крепко уснул. Во сне кто – то волевой и сильный стал его душить, наваливаясь грузным телом. Он пытался рассмотреть лицо нападавшего, но так и не смог увидеть обидчика. Пытаясь закричать и позвать на помощь, Белый в страхе проснулся и ощутил, что его действительно пытаются задушить. Кто – то накрыл лицо подушкой и давил руками на горло. Цепкие пальцы с острыми ногтями впивались в кожу, и раздирали до крови. Белый задыхался и терял сознание. Перед глазами поплыли разноцветные круги, и замелькали картинки из детства. «Это конец», – подумал он и из последних сил, словно уж попытался выскользнуть. Противник хрипел, и не прекращал давить. Белый колошматил того по корпусу, будто боксёрскую грушу, но ничего не смог сделать. Бока Вахтанга оказались бетонными и непробиваемыми. Случайно у Белого выскользнула из – под одеяла правая нога, и он коленом заехал в пах обидчику. Тот вскрикнул и ослабил хватку. Секундного замешательства было достаточно Белому, чтобы сбросить убийцу на пол, и вскочить на ноги. В полумраке он словно разъярённый дикий кабан, которого только, что ранил охотник, принялся бить ногами убийцу, не разбирая куда. Тот пытался закрываться руками, но это не помогало. Вахтанг забился под стол и хотел выскочить, но Белый схватил телевизор, и обрушил его на грудь убийце. Что – то захлопало и проломилось. Грудная клетка не выдержала мощного удара. Сухой треск, и после смертельная тишина, слегка успокоили Белого. Он ухватился правой рукой за нару и тяжело дышал. Противник лежал бездыханным и не подавал признаков жизни. Белый едва передвигая ногами, подошёл к умывальнику и открыл холодную воду. Подставив голову под кран, намочил, как следует волосы.

– Э – э – э, – услышал он грудной хрип сзади и повернулся. Вахтанг приходил в чувства и пытался усесться на пол. Белый закипая от лютой ненависти, выхватил из кармана заточку, и поставил её к горлу Вахтанга.

– Я сейчас тебя сука на куски порежу. Говори, кто прислал? На кого ты работаешь?

Вахтанг ничего не соображал, лицо у него было похоже на расквашенный помидор. Алые струйки крови заливали шею и грудь. Распухший, посиневший язык вываливался наружу. Белый взял его за волосы и со всей силы ударил об колено. Вахтанга голова откинулась назад, словно волейбольный мяч, и он отключился. Белый с отвращением швырнул заточку под нару. Кое-как уселся на бетонный пол и закрыл голову руками. Он не слышал, как дверь распахнулась, и появились менты. В голове творилась неразбериха, и ужасно стучало в висках. Барабанная дробь не прекращалась ни на минуту. Он стонал, будто раненное хищное животное и успокоился только тогда, когда появился врач и сделал укол. Окружающая действительность теряла свои очертания, и мир становился розовым и мягким.

Глава 4

Сергей Иванович Протасов уверенным, бодрым шагом направлялся в офис. На улице стояло «бабье» лето, на днях закончилась неделя холодов и дождей, и установилась сухая и ясная погода. Уже по улицам летала паутина паука – бокохода, один из главных признаков «бабьего» лета. Солнечные лучи, не смотря на раннее утро, припекали, как будто это был не сентябрь, а июль, или же по – летнему горячий август. Дышалось легко и свободно, и Сергей Иванович, в который раз с ухмылкой на лице вспоминал свою машину, находившуюся в ремонте на станции техобслуживания. Благодаря этому можно прогуливаться пешком и днём и вечером, и заряжаться здоровьем на всю зиму. Жена его, Ольга, бурчала каждый день по поводу машины, и упрекала супруга за нерасторопность. Протасов молча глотал обиды, и в душе ликовал. Сладкий осенний воздух не могли перебить пары выхлопных труб общественного и частного транспорта. И Сергей Иванович, будто пятнадцатилетний подросток, насвистывал мелодию и не торопился на работу. Дел сегодня важных не намечалось, практически весь не большой персонал детективного агентства.

«Кобра» догуливал летние отпуска. Он с удовольствием вспоминал их отдых с женой в Болгарии, на «Золотых песках», и зажмуривался от удовольствия. В кое-то веки удалось вырваться на отдых, и сейчас приятная истома наполняла душу и сердце. Две недели безделья и покоя. Хорошо когда нет назойливых звонков от клиентов, никого не нужно спасать или охранять. Что ещё может пожелать мужчина, когда возраст приближается к пятидесяти? Молодая, красивая жена, при виде которой у мужиков начинают поворачиваться шеи в обратном направлении, престижная работа, и можно сказать в доме полная чаша? Вот именно – ничего! Прошлое осталось далеко за горизонтом. Иногда он пытался к нему дотянуться, однако большая часть воспоминаний навсегда стёрлась из памяти и, разве что могила первой жены Светланы не давала разорвать эту крепкую нить до конца. Часто задумываясь, не мог сам себе ответить на вопрос: сумел всё – таки или нет, остаться до конца собой? Выстоять в сложном противоборстве с Судьбой? Всё ли сделал для того, чтобы никогда такое в жизни больше не повторилось? Станные сомнения бередили душу, но он старался их отбрасывать и находить весомые аргументы в свою защиту.

Конечно, он не знал, что этот обычный и ничем не примечательный погожий день внесёт в его жизнь перемены. Нельзя сказать, что Протасов их особенно боялся, но всё – таки не хотелось нарушать привычный жизненный ритм и тем более огорчать Олю. Но где – то там, наверху, среди пузатых туч и перистых облаков, кто – то по – своему устанавливает правила игры, имя которой жизнь. И неважно кто ты, богач или бедняк, молодой, старый, ты полностью им подчиняешься. Через силу, скрепя зубами, делаешь первые шаги. Правильные они, либо же нет, решит время, а пока ты всего лишь маленькая пешка, в крупной и серьёзной шахматной партии. Цена проигрыша не всегда измеряется деньгами, довольно часто она заканчивается для игрока смертью.

Итак, Сергей Иванович открыл дверь офиса «Кобры», и включил напольный вентилятор. В помещении стоял спёртый воздух, и запах канцелярских принадлежностей щекотал носовые пазухи. Несколько раз, сильно чихнув, от поднявшегося столба пыли с одиноких и пустынных столов сотрудников, он услышал за спиной робкий мужской голос: «Будьте здоровы...». От неожиданности Протасов едва не прикусил язык. Поворачиваясь, увидел в дверях офиса маленького, плюгавенького старика, в мятой песочного цвета куртке и таких же не глаженных тёмных брюках. Мужчина сжимал в руках выдавшую виды кепку, и робко улыбался. Протасов обратил внимания на рыжую недельную щетину незнакомца, и скривился. Маленькие хитрые глазки посетителя бегали без остановки. Протасов сравнил незнакомца с енотом, сходство было просто поразительным. Чуть вздёрнутый нос, добрая и заискивающая улыбка, лёгкая

застенчивость, присущая больше детям, нежели взрослым людям. Открытый лоб, курчавые темные редкие волосы, и совсем непонятные густые брови и бакенбарды. Старик увидел замешательство на лице хозяина кабинета, и замахал руками, словно на него пытался наброситься комариный полк.

– Не обращайтесь внимания на мой внешний вид, – сказал почти елеинным голосом незнакомец. – Меня к вам прислал один очень хороший человек. Рекомендовал вас, Сергей Иванович, как одного из лучших сыщиков в городе.

Протасов почему – то покраснел, от слов незнакомца, но сменил гнев на милость и властным жестом указал на стул. Проглатывание в разговоре буквы «р» незнакомца и шепелявость слегка развеселила Протасова. Однако, чтобы не обидеть пожилого человека он слегка прикусил язык и не подал вида.

– Прошу вас, присаживайтесь и рассказывайте, что вас привело ко мне.

Протасов включил кофейник, стоявший в гордом одиночестве на сейфе. Ему почему – то был симпатичен этот неожиданный визитёр. Вытерев влажной салфеткой свой рабочий стол, он уселся напротив. Вытащив из шкафа, который стоял за спиной, две чашки с блюдцами он посмотрел на клиента. Комнату заполнили ароматы бергамота, абрикоса, черники, ванили и какао. Запах этого неподражаемого кофе действовал на человека успокаивающе, и пробуждал фантазию.

– Потрясающий «Ethiopia Sidamo», – сказал клиент и прищурился. – Это довольно редкий напиток, но я сам частенько балуюсь им. Угостите?

– Конечно, вам с сахаром или без?

Протасова всё больше удивлял этот незнакомец. Он знал стоимость этого кофе, наливая гостю в чашку, искоса поглядывал на него.

– Сахар испортит этот благороднейший напиток. Я всегда пью без сахара. Шо не скажешь о детях и внуках.

– И я тоже, – улыбнувшись, ответил Протасов и поставил перед посетителем чашку.

– Разрешите представиться, моё имя Семён Абрамович, я старый еврей из Одессы, которого непонятно каким ветром занесло сюда. Как я мог променять свою любимую Одессу на этот абсолютно не живописный город? Послушался сына и вот вам – Семён Абрамович как старый поц, переехал поближе к детям. И шо? Внукам разве нужен дедушка? «Бросьте, не верю», – как говорил Станиславский, упокой Господь его грешную душу. Внукам нужны деньги, больше ничего, уверяю вас. Они считают, что их дедушка, подпольный миллионер Корейко из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. И обязательно у дедушки лежит под старой тахтой чемодан набитый деньгами.

Он сделал глоток и едва от удовольствия не пустил слезу. Вытирая маленькой, почти детской рукой щёку, он смотрел на Протасова водянистыми, бесцветными глазами. У Сергея сердце сжалось от добродушного взгляда гостя. Ещё не зная, зачем этот старик пожаловал к нему, он решил помочь. Семён Абрамович не унимался и продолжал жаловаться на жизнь, с типичным для одессита колоритом.

– «С деньгами не так хорошо, как без них плохо», – так говорят в моей любимой Одессе. Не скажу вам, Сергей Иванович, что Семён Абрамович человек бедный. Нет. Кое-что я скопил на безбедную старость, но это всё слёзы по сравнению с ценами. На базаре, в магазине, цены пляшут всё время вверх. И ни одна добропорядочная скотина, не желает их опустить хоть на один рубль вниз. Простите ради Бога старика, за мою говорливость, хоть Бог и дал человеку два уха и один рот, чтобы он больше слушал и меньше говорил это не коим образом не касается евреев. У меня была тёща, Роза Марковна, так вот она оставила любимому зятю Семёну, то есть мне, небольшое наследство. Я человек старой закалки, продал в своё время драгоценности, и потихоньку переводил деньги в предметы культуры. Нет – нет, я не скупал картины и прочую антикварную рухлядь. Будучи приличным молодым парнем увлёкся оружием, и у меня

за десятки лет скопилась приличная коллекция. Это была ошибка с моей стороны, привезти её сюда, но Семён, хотел сделать как лучше, чтобы коллекция после моей смерти досталась детям и внукам. И на тебе! Её самым наглým образом украли.

– Значит, как я вас понимаю, Семён Абрамович, у вас украли коллекцию холодного оружия?

– Всё верно, как и то, что лучше еврей без бороды, чем борода без еврея.

– Давайте подробно о том, как это случилось.

– В субботу я был в синагоге, вернувшись домой лёг вздремнуть. Детей и внуков не было. Они на выходные едут загород на дачу. Так вот, пообедав, я вышел во двор с газеткой посидеть на лавочке понежится на солнышке и, когда вернулся домой, обнаружил двери квартиры настежь открытыми. У меня чуть сердце не остановилось. Я бегом в свою комнату, и шо вы думаете? Мои опасения полностью оправдались. Чемодан, который я хранил в шкафу, исчез. Понимаете? Он растворился в воздухе, как будто и не было вовсе. Исчез, как исчезали деньги в руке моей покойной жены Раисы Леопольдовны. А там не меньше пятнадцати килограмм железа, скажу я вам откровенно!

– Милицию вызывали?

– Я вас умоляю... Ну конечно вызывал. Приехали очень быстро, но ещё быстрее уехали. Всё записали и сразу же заподозрили внуков, что это их рук дело. Венечку, старшего, уже дважды вызывали к следователю. Но зачем им у самих же себя красть? Ответьте мне уважаемый, Сергей Иванович?

– Мало ли что, я и не такие встречал случаи в своей практике. И чем всё закончилось?

– Ни чем, и мне кажется, что милиция это дело хочет закрыть.

– Значит так, Семён Абрамович, вы принесите мне список похищенных предметов – это раз. И второе, может у вас сохранились фотографии оружия?

– Есть, есть, – замахал руками Семён Абрамович. – Конечно, есть, не помню кто, но это был мудрый человек, посоветовавший мне сделать фотографии, так знаете, на всякий случай. И на тебе... Вы скажите старому человеку, шо я вам буду должен за работу? Говорите как есть, не стесняйтесь. Вы уже поняли, что коллекция для меня дорога не только как память...

– Об оплате ещё рано говорить. Вы принесите фотографии, я постараюсь вам помочь, но торопить меня не стоит и надеяться, что коллекцию я смогу найти. Почему знаете?

– Семён не дурак, я всё понимаю... Как Бог даст так и будет.

– Таки да, – ответил Протасов, уже заразившись одесским говором Семёна Абрамовича, поднялся со стула, давая понять, что разговор окончен.

Глава 5

– Белый, Белый, – кто – то настойчиво звал обитателя одиночной камеры. Сухощавый голос незнакомца едва проникал через маленькие щели в окне. Пальцы ночного гостя сильно били по стеклу, пытаясь разбудить осуждённого. Тот действительно задремал и не слышал, что к нему пожаловали долгожданные гости.

– Проснись, брат, проснись, – хриплый голос с улицы и стук, наконец – то смогли разбудить Белого. Он резко вскочил и рванул к окну. Червонец видно влез ногами на спину Седого и сейчас его довольная и сытая морда закрывала половину окна.

– Через час мы придём к тебе, жди, – это были последние слова Червонца, и тут же Белый уловил краешком уха странный шум за окном и отборную ругань. Вместе с ним и исчез Червонец. Видать не выдержали плечи Седого и Червонец свалился на землю. Белый усмехнулся и начал отжиматься от пола. Замёрзнув, он хотел как можно скорее согреться. Ночи стояли холодные, и приближалась суровая зима. Неожиданно дверь в камеру распахнулась и показала физиономию Червонца, с большой чашкой чая в руке. Друзья уселись на корточки, и погоняли чифир по кругу, как принято с незапамятных времён в лагерях. Когда старинный ритуал чаепития был закончен, Седой вытянул сигареты с фильтром и дал пачку Белому.

– ДПНК⁵ сегодня Индеец – смена наша, брат, кури спокойно и не нервничай, – произнёс Седой и щёлкнул перед носом Белого серебряной зажигалкой «Zippo». – Можем выйти на воздух? Ты как?

– Не сдадут? – спросил Белый внимательно разглядывая Червонца. Тот с момента их последней встречи на свободе, практически не изменился. Разве что черты лица, и особенно скулы, заметно выпирали из – за худобы.

– Не бойся, Мамонов в доле с Индейцем, это он дал ключи от хаты. Идём.

Они крадучись, словно ниндзя, проскочили длинный коридор и вышли на улицу. Несмотря на чёрные тучи, луна дружелюбно выглядывала и хорошо освещала тюремный дворик.

– Красота, да и только, – сказал довольный Белый, и набрал в лёгкие как можно больше кислорода. – А воздух какой чистый и свежий...

– Брат, времени не много, по – этому давай поговорим о твоём побеге. Что сам думаешь? – спросил Червонец и уселся на не большую скамейку возле здания.

Закинув ногу на ногу внимательным взглядом сверлил Белого. Тот почему – то молчал и, казалось, находится не здесь, а в другом месте. Лицо его было безмятежно спокойным, умиротворённым, словно у бронзовой статуи Будды.

– Валишь надо однозначно, – как будто пробуждаясь от крепкого сна, выдал Белый. – Правда, ума не приложу, как это сделать? Если бежать отсюда, тогда мы подставим хороших людей и представьте, что начнётся в лагере после моего исчезновения. Обязательно введут ОМОН и почистят зону, что мало не покажется. Нет, такой вариант исключается – не хочу, чтобы из – за меня одного пострадали люди.

– Ты прав, – ответил Седой и пригладил на голове торчавший, будто антенна передатчика, локон волос. – Мы совсем об этом не подумали.

Он посмотрел искоса на Червонца, который развёл руки в сторону, согласившись с доводами Белого, и крепко задумался.

– Тогда остаётся только один вариант, – сказал Белый и резко поднялся. – Надо заставить Лаптева отправить меня в «Чёрный дельфин».

⁵ ДПНК – дежурный помощник начальника колонии.

– Ты с ума сошёл? Самому лезть головой в пекло нет, брат, мы не можем такого допустить, – вскочил Червонец и замахал руками.

– Не кипятись Червонец, вначале выслушай до конца, а после уже и выводы делай. Я не собираюсь сидеть в «Дельфине» и ждать когда шныри сколотят из досок для меня деревянный бушлат. Я думаю свалить на этапе, тем более что туда отправят не «автозаком», а «столыпинным»⁶. Кумекаешь, что к чему?

– Рискованно, но если что – то пойдёт не по плану, тогда тебе сам Господь Бог не поможет. Из «Чёрного дельфина» ещё никто не убежал.

– Торопиться не стоит, – ответил Белый и закрыл рукой открытый рот Седого. – «Варежку» прикрывай Седой, не то муха залетит или комар.

Седой мотнул головой и достал сигареты.

– Мне нужен телефон, чтобы связаться со своими людьми, – сказал уверенным голосом Белый.

– Организуем, брат, с этим проблем нет. На следующую смену Индейца принесём, будь спокоен, – сказал Червонец и оскалился.

– Зарядить как следует не забудьте, мне нужно сделать не один важный звонок. Понятно? Что там в пакете у тебя, Седой? Доставай, показывай.

– Здесь тёплый свитер, еда, сигареты, спички и чай. Бери, Саша, но не забывай прятать перед обыском в укромные места. Кстати, в хате под нарами тайник. О нём никто не знает. Ещё не успели менты выведать. Просунь руку под нару, ближе к стойкам у двери, и нащупай кирпич. Он слегка выступает, и ты запросто его вытащишь. Туда можно спрятать целого барана.

– Понял, воспользуюсь, – ответил с улыбкой Белый и взял у Седого пакет. – Кстати как в зоне? Менты не сильно лютуют?

– В зоне сейчас не сладко. Работы нет, одни фуфлыжники⁷ плодятся будто грибы после дождя и петухи. Как только появился Лаптев жизнь изменилась в худшую сторону. До него был «хозяин» полковник Мороз, вон он делал ветер и такой, что ветки на деревьях трескали. Скольким хорошим людям помог выбраться на волю и сосчитать трудно. С ним можно было запросто решить вопрос о твоём освобождении, но накрыли его на взятке и сейчас видать сам где – то зону топчет, – сказал Червонец и прокашлялся. – А этот и говорить ни с кем не желает, сам взял оперчасть под своё крыло и руководит. Руль хренов. У братвы с твоим приходом в зону дух поднялся. Только о тебе и базарят. Многие хотели бы лично познакомиться. Может организуем, Белый, так сказать за круглым столом встречу с порядочными арестантами.

– А что, идея не плохая, – поддержал Седого Червонец. – Пока ты здесь, я могу вплотную заняться этим вопросом. Деньги есть.

– Не этим вам нужно заниматься, а другим. Какой по счёту срок тяните, а ни черта не соображаете. О людях нужно думать, налаживать «дороги» со свободы, чтобы грелась зона, и мужики не сосали лапу, как медведь зимой без работы. Чтобы в общаке и деньжата водились, и водочка, и сало, и прочий «запрет». Я уже молчу о чае и сигаретах. «Крытку»⁸ греть нужно, причём делать это надо регулярно. Прижучить к ногтю Лаптева, и диктовать свои условия ментам!

– Этот пидор вот где уже, – отрезал Седой, и сжал рукой горло.

– Не ругайся и на него найдётся управа, поверь мне, обычно такие козлы своей смертью не умирают, – сказал Белый и потушил сигарету.

⁶ «Столыпин» – специальный железнодорожный вагон, применяемый для перевозки заключённых.

⁷ Фуфлыжник – ведущий себя недостойно заключённый, чаще всего в отношении платежа карточных долгов, за что всегда подвергается опасности опускания.

⁸ «Крытая» или «крытка» – ИТУ тюремного типа для осуждённых за тяжкие преступления или направленных в тюрьму по постановлению суда из ИТК за систематические нарушения режима содержания. В России всего 15 крытых.

Ночную тишину прорезал леденящий душу вой сирены на запретной полосе. Моментально включились дополнительные прожектора и принялись шерстить периметр зоны. Лай собак, за ним несколько автоматных очередей заставили друзей от испуга вскочить со скамейки. В дверях СУСа появилось перепуганное от страха лицо прапорщика Мамонова с оружием в руках, и с ним ещё двое помощников.

– Белый, быстро к себе, – закричал он и рванул к калитке, ведущей в зону.

– Видать какой – то бегун с «красной полосой»⁹ в побег решил податься, – крикнул Червонец, перекрикивая визг сирен. – До встречи, брат, – бросил он уже на бегу.

– Береги себя, – выпалил Седой и побежал за Червонцем к маленькой калитке. Белый спокойно вернулся в камеру, и где – то в глубине души завидовал ночному беглецу.

⁹ Красная полоса на обложке личного дела заключённого означает – склонен к побегу. Когда такой человек приходит в зону, администрация должна ставить его под особое наблюдение.

Глава 6

В воскресный день Людмила Ивановна суежилась на кухне, готовила обед. Муж с утра ушёл в гараж, и обещал к обеду вернуться. Нарезая лук и морковь на борщ, Людмила Ивановна услышала звонок в дверь. Глянув на часы, которые показывали половину одиннадцатого, пошла открывать. Заглядывая в дверной глазок, с удивлением обнаружила незнакомого мужчину.

– Вы к кому? – спросила она, внимательно наблюдая.

– Мне нужна Людмила Ивановна Серова, – ответил мужчина, и поправил рукой бордового цвета модный галстук на белоснежной сорочке.

– Одну минуту, подождите, – ответила она, вернулась на кухню, сняла фартук, и уменьшила огонь на плите. Борщ уже практически был готов, и Людмила Ивановна, недовольная тем, что ей помешали, поправила волосы и застегнула нижнюю пуговицу на домашнем цветном халате, который ей подарила дочка на день рождения. На пороге стоял приличный, седовласый мужчина, высокий, подтянутый, в чёрном костюме. Женщина подумала о том, что незнакомцу была бы к лицу военная форма, времён царской России. Этаким бравый гусар – унтер – офицер, в кивере, со шкурой барса на плечах, подбитой красной тканью, в узких суконных штанах, в сапогах с золочёными шпорами, с португеей и плоской сумкой через плечо, украшенной вензелем. Не хватало разве что усов для полной картины. В задумчивости она вздохнула, и прогоняя приятное наваждение, смотрела на незнакомца хлопая ресницами. Плотная, не высокая, она ещё не потеряла привлекательности, и лицо женщины не утратило свежести. Смотрела она на незнакомца с замиранием сердца. Ещё бы мгновение и бросилась к нему на шею со словами: «Ах, сударь! Я ждала вас всю жизнь! Отныне моё сердце принадлежит вам и ни кому больше». Тот улыбался, и как показалось хозяйке, делал попытки произвести положительное впечатление. Широкоплечий, с загорелым лицом, белесоватыми бровями, необычной, слегка смущённой улыбкой для человека которому уже далеко не тридцать или сорок, перекладывал кожаный портфель с золотистой пряжкой (прямо как у гусара) из одной руки в другую.

– Простите, вы по какому делу? – спросила Людмила Ивановна, не переставая в глубине души, восхищаться импозантным и благородным «гусаром».

– У меня к вам разговор, Людмила Ивановна, – ответил мягким, бархатистым голосом гость. – Личного характера, если вы не возражаете я не отниму у вас много времени. Пройти можно?

– Да – да, проходите, спохватилась хозяйка, ипустила мужчину в квартиру.

– Как у вас аппетитно пахнет! – заметил незнакомец и поставил бережно портфель на маленький стульчик около зеркала. – Извините, я не представился, меня зовут Евгений Иванович!

– Проходите в зал, я сейчас, только плиту выключу. Может, хотите кофе?

– Нет – нет, спасибо, – ответил Евгений Иванович, снимая дорогие кожаные туфли, и проследовал в зал.

Людмила Ивановна оценила одеколон мужчины с восточным колоритным запахом, и уже через минуту сидела напротив гостя на стуле.

– Извините, что отрываю вас от дел, – начал Евгений Иванович, и посмотрел на хозяйку пронзительным взглядом. – Лена очень похожа на вас, – заметил он и наклонил голову на бок.

– Лена больше всего похожа на отца, кстати, он вот – вот должен прийти.

Она улыбалась глядя на Евгения Ивановича и вспоминала молодость. Когда ещё совсем юной девочкой с длинными косичками провожала восторженным взглядом таких красавцев.

– Так вы по поводу дочери?

– Вы угадали, давайте я не буду больше вас интриговать, а расскажу о причине своего визита. Дело в том, что я работаю на Александра Белого. Вам знакомо это имя и фамилия?

Людмила Ивановна задумалась и пожала плечами.

– Нет, во всяком случае, я раньше никогда её не слышала.

– Это парень вашей дочери, – сказал Евгений Иванович, и тут же осёкся, заметив, как побледнела хозяйка.

Людмила Ивановна задержала дыхание и часто испуганно заморгала. Она не могла понять причину визита гостя.

– Она ушла, когда у нас случилась беда, – продолжил Евгений Иванович, и никого не предупредила. Причём ушла ночью, и вот уже практически неделю никто не знает где она. Вы не можете?

В этот момент из кухни прибежал большой рыжий кот и запрыгнул на колени к хозяйке. Людмила Ивановна погладила кота и опустила на пол. Кот недоверчиво зашипел на гостя и понимая, что сейчас хозяйке не до него, ретировался с недовольством на кухню.

– Мои люди сообщили мне, что она вернулась домой, потом угодила в больницу.

– Вы, что следите за ней? – спросила хозяйка квартиры и скрестила руки на груди.

– Следим? Нет ну что вы, сейчас сами знаете, какое беспокойное время, просто стараемся держать ситуацию под контролем, только и всего.

Он улыбнулся, и эта улыбка гостя не понравилась Людмиле Ивановне. Ей показалось, что этот человек знает гораздо больше о дочери и всей её семье. Но она сдержалась и тяжело вздохнув, ответила: – Мы с отцом были против выбора дочери с первого дня её знакомства с Сашей. Хотя нам он понравился и произвёл положительное впечатление. Однако сердце материнское не обманешь, и я чувствовала, что рано или поздно, но случится беда. Мы с мужем старались особо не лезть в дела Лены. Считали и считаем её человеком взрослым и самостоятельным.

Она замолчала, и Евгений Иванович увидел на лице матери слёзы.

– Успокойтесь, прошу вас.

Он протянул ей свежий носовой платок, который Людмила Ивановна взяла со словами благодарности.

– Лена пришла домой поздно, в ту злополучную ночь, мы с мужем спали. Позвонила в дверь, я ей открыла, и всё поняла с одного взгляда. Угодив под дождь, Леночка промокла и Пётр Николаевич сделал ей ванну. Мы смотрели телевизор, ждали, пока дочь приведёт себя в порядок, и незаметно задремали. Когда я проснулась, то обнаружила, что Лены в комнате нет и она ещё в ванной. Муж выломал дверь, наша девочка лежала без сознания. Она выпила огромную дозу таблеток клофелина, и только чудо спасло мою бедную девочку. Муж вызвал скорую, и её забрали в больницу. Там ей сделали промывание желудка, потом переливание крови. Я сидела всю ночь возле дочери и только утром, когда Лена пришла в себя, вернулась домой. Простите ещё раз, но мне тяжело об этом говорить и вспоминать.

– Я вас понимаю. А где сейчас она?

– В больнице, где же ещё.

– Увы, но её там нет. Я только что приехал оттуда.

Лицо Людмилы Ивановны исказила гримаса ужаса. Она смотрела большими глазами на Евгения Ивановича, и не знала, что сказать.

– Лену необходимо найти, чтобы не случилась, не дай Бог, ещё одна непоправимая беда.

– Оставьте нас в покое, – заголосила мать Лены и закрыла лицо дрожащими руками. – Откуда взялся этот парень... Будь он проклят! У нас одна дочь, и мы не хотим, чтобы Лена больше встречалась с вашим начальником. Вы понимаете, о чём я говорю?

Её голос сорвался на крик, и Евгений Иванович поднялся с дивана, чтобы уйти.

– Уходите, уходите, слышите, и больше никогда не переступайте порог этого дома, – кричала во весь голос женщина. В дверях Евгений Иванович столкнулся с отцом Лены. Тот

услышал крик жены, подумал, что это грабитель и едва не набросился с кулаками на гостя. Евгений Иванович перехватил старика руку и вывернул её за спину. Потом коленом прижал к двери и как можно спокойно объяснил, кто он такой и зачем сюда пожаловал.

– Вот моя визитка, Пётр Николаевич, – сказал начальник охраны Белого и отпустил руку хозяина квартиры. – Пожалуйста, позвоните мне, если что – то узнаете про дочь. Она исчезла из больницы, и никто не знает куда она могла пойти. Вы слышите меня?

Пётр Николаевич сидел на пуфике, уныло свесив голову и потирал руку.

– Уходите, – прошептал он сдавленным голосом, – если я что – то узнаю, позвоню.

Глава 7

В больнице Лена чувствовала бесконечную тоску и одиночество. Ей хотелось умереть и жизнь для девушки потеряла всякий смысл. Она лежала в двухместной палате возле окна и с печальными глазами смотрела на улицу. За окном завывал ветер, срывая последние листья с деревьев кружил их медленно и грациозно. Мама принесла ей старенький плеер, и грустные песни Милен Фармер ещё больше удручали. Лена сняла наушники и бросила их на одеяло. В эти выходные больница опустела и только дежурный персонал медсестёр, устроившись в коридоре, смотрел очередной сериал по телевизору. Соседка Лены по палате совсем юная школьница Надежда ушла домой и должна была вернуться только в понедельник утром. Весёлая и жизнерадостная, с веснушками на лице, она делала фактически первые шаги в жизни и радовалась как ребёнок, самостоятельности, возникшей вследствие отравления грибами. Лена наблюдала за ней искоса и вспоминала себя, когда она вот так же весело и беззаботно относилась к жизни. Радовалась каждому дню, улыбалась случайным прохожим на улице и верила в то, что обязательно сможет добиться поставленных целей. Воспитанная в строгих правилах отцом, она прилежно училась и когда её сверстники ходили по барам и клубам, сидела за книгами. Взяв в руку карандаш и альбом для рисования принялась набрасывать эскиз рисунка. Рука самостоятельно выводила незамысловатые линии человека, точнее девушки, одиноко стоявшей возле леса. Из – за деревьев на рисунке выглядели огромные красные глаза, их Лена нарисовала непроизвольно акварельной краской, они как будто следили за девушкой. Глаза невиданного зверя получились злобными, и Лена, удивляясь игре собственного воображения, смотрела на них поникшим взором. Страх, исходивший от рисунка, настолько разыграл воображение девушки, что она ощутила запах земли и леса. Впервые в жизни испугавшись собственного рисунка, тут же разорвала его на мелкие кусочки. Отложив кисти и краску в сторону, поправила подушку и улеглась. Телефонный звонок едва не лишил Лену чувств. Взяв влажной от страха рукой телефон увидела, что это звонит мама.

– Привет мама, – сказала она слабым голосом. – Всё в порядке, уже собираюсь спать. Живот почти не болит, мне сделали укол час назад. Папе привет, я люблю тебя, спокойной ночи.

Лена выключила телефон и посмотрела в окно. В какой – то миг ей снова привиделись очертания красных глаз за стеклом, и Лена закрыла бледное лицо руками. Повернувшись на бок вспомнила Сашу и то, как он её учил быть храброй и сильной. Слёзы непроизвольно показались из глаз и через мгновение подушка была мокрой. Мама умоляла её забыть его, но она ещё ничего для себя не решила. Сердце тянулось к нему и всякий раз, когда она вспоминала его глаза, улыбку и тёплые руки непривычно кололо. Поднявшись с кровати, она включила ночник над дверью, и словно любопытная мышка выглянула в коридор. Там стоял полумрак и только яркие блики от экрана телевизора отражались на тёмных стенах.

Папа ей твердил, не единожды, что не стоит доводить до того, дабы сложная жизненная ситуация взяла вверх над разумом. Он как мог, успокаивал её и твердил, что всё образуется. Лена подошла к окну и выглянула во двор. Там уже никого не наблюдалось. Больные разошлись по палатам и двор пустовал. Лена взяла зубную пасту и решила перед сном почистить зубы и умыться. С отражения в зеркале на неё смотрела бледная с опухшими красными глазами девушка. Прежний задорный блеск исчез, щёки запали и даже маленький курносый нос казался не таким как прежде. Он слегка заострился и портил общее впечатление. Красота и природный шарм девушки угас и сделал её похожей на восковую куклу какого – то южно – африканского племени. Открыв воду, она намочила щётку и принялась тщательно ей чистить. Внезапно из умывальника что – то заурчало и булькнуло, и вода стала набираться в раковину и не уходит в канализацию. Лена закрыла кран, но это не помогло. В раковину поступала вода

снизу. Несколько раз надавив рукой на сливное отверстие она поняла, что не сможет справиться, открыв дверь крикнула на помощь медсестру. Пока она пришла, вода уже бежала через край и заливала белый кафельный пол. Медсестра схватилась за голову и побежала за ведром и шваброй.

– Нужен мужик, чтобы прочистить трубы, – сделала вывод располневшая не по годам молодая женщина, когда вытерла почти насухо пол. – Сейчас, подожди, я придумала кого пригласить. К нам недавно пришёл на практику парень, зовут его Виталик. Он дежурит в приёмном отделении. Жди, я мигом.

Медсестра, вильнув толстым задом, ушла, Лена осталась одна. Усевшись на кровать она с тоской наблюдала, как вода медленной струйкой льётся на пол.

– Привет! – услышала Лена бодрый мужской голос и от неожиданности подскочила с кровати. С тросом на плечах около умывальника стоял высокий, худощавый парень в белом халате и смотрел удивлёнными глазами на Лену.

– Испугал? Прости, не хотел. А ты почему здесь одна и не ушла на выходные домой?

Непринуждённое поведение парня Лене понравилось, и она впервые за последние дни улыбнулась. Улыбка получилась натянутой и неестественной. В гнетущей растерянности она смотрела на врача, и облизывала кончиком языка пересохшие губы. Горло першило после отравления и Лена, прежде чем ответить, налила из бутылки воду и жадными глотками выпила.

– Не отпустили домой, – ответила она жалобным тоном.

– Понятно, кстати, меня зовут Виталик, а тебя как?

– Лена!

– Очень приятно познакомиться, – сказал Виталик, засовывая один конец троса в умывальник.

– Мне тоже.

Второй конец троса болтался по полу и напоминал голодную, худую анаконду, которая крутится среди густой болотной травы и не может догнать добычу. Лена сказала Виталику о своих наблюдениях. Парень рассмеялся, и Лена вместе с ним.

– Подержи за хвост анаконду, иначе она тут все испортит и перебьёт.

– Сейчас, сейчас, – Лена наступила ногой на конец троса и придавила его к полу.

Виталик чистил трубы и иногда поворачивался, чтобы посмотреть на девушку. Лена в застенчивости опускала глаза и старалась показать свою невозмутимость. Вода в умывальнике забурчала и наконец – то ушла. Довольный Виталик вытер краешком халата мокрый лоб и принялся скручивать трос.

– Спасибо большое, что помог, – сказала Лена, соображая, что как только Виталик выйдет за дверь она снова останется одна в пустой и холодной палате. Ей этого ужасно не хотелось и она попыталась его хотя бы на минутку задержать.

– А ты врач? – спросила с любопытством в голосе и поправила спадавшую на глаза чёлку.

– М – да, врач, – усмехнулся он. – До врача ещё как до луны на самокате. Я учусь на втором курсе в институте, и здесь на практике.

– И какая специальность?

– Пока не определился, но хотелось бы стать детским врачом.

Он положил на пол скрученный трос и смотрел на Лену с любопытством. Она не могла не нравится мужчинам и Виталик ей по – свойски подмигнул.

– Тебе если будет скучно, приходи. Я на первом этаже посидим, поговорим обещаю, что приставать не буду.

Он открыл дверь и закричал:

– Петровна! Петровна! Всё готово.

– Ладно, мне пора, кабинет пустой и может главврач позвонить и проверить на месте я или нет. Приходи, не стесняйся.

Медсестра снова вытерла на сухо пол, забрала ведро и швабру с тряпкой, отправилась к себе. Лена посмотрела на часы, которые показывали половину девятого вечера. Ей стало так одиноко, что она недолго раздумывая, накинула на халат спортивную кофту, одела кроссовки и отправилась в гости к обаятельному и приветливому парню.

Глава 8

Белый рвал и метал не находя себе покоя в душевной камере. Он готов был зубами вырвать решётку и бежать, как можно дальше от всех проблем навалившихся одним махом. Разговор по телефону с Евгением Ивановичем не дал ответа ни на один вопрос. Кто виноват в том что он вместо купания на берегу океана должен кормить вшей? И куда исчезла Лена? Единственное что утешало самолюбие Белого и вселяло надежду так это то, что Евгений Иванович приступил к разработке плана побега. Предложенный Белым вариант с бегством из «Столыпина» был не лишён рационального зерна. Во всяком случае, на сегодняшний день это лучший способ вырваться на волю. Евгений Иванович рассказал, что присылал человека к Лаптеву и пробовал с ним договориться. Так тот не то что слушать не захотел, а ещё и пригрозил сообщить в органы о подкупе. Доверенное лицо Евгения Ивановича ушло ни с чем и это только усугубило положение Белого в СУСе. Буквально на следующий день Лаптев примчался в СУС и устроил с начальником оперчасти Мирзоевым такой обыск в камере Белого, что только вата летела из разорванного в клочья матраса и других личных вещей заключённого. Лаптев бушевал как «слон в посудной лавке» и грозил Белому немедленной отправкой в «Чёрный дельфин» в самое ближайшее время. Он оформил по всем законам нарушение осуждённым правил внутреннего распорядка, когда нашёл под матрасом сигареты и зажигалку. Белый не успел их спрятать и отвернулся, когда Лаптев тряс перед лицом Белого сигаретами. Он знал, что ещё рано лезть на рожон, по – этому молча сносил угрозы и оскорбления начальника учреждения. Лаптев искал телефон, ему уже доложили, что у Белого существует постоянная связь со свободой. Однако, как он не пыжился, но заветный тайник так и остался не раскрытым. И снова Белый остался в одной тонкой робе мёрзнуть от ночных холодов. Единственный тёплый свитер – подарок братвы – валялся на полу, после ухода ментов, и Белый с жалостью смотрел на оторванные рукава добротной вещи. Он задал вопрос Лаптеву по поводу сигарет и книг, которые положено иметь заключённому в СУСе на что Лаптев ехидно рассмеялся и ответил: «Не мне тебе говорить, Белый, каким прибором кладут на то, что положено. На тебя у меня особое предписание, в котором чёрным по белому сказано то что ты имеешь право держать в камере».

– И что это, просветите гражданин начальник, – сказал Белый с вызовом.

– Только мыльно – брызговые принадлежности. Понятно?

– Мне не привыкать к такому положению, гражданин начальник, но я не уверен, что прокурор по надзору в курсе творимого вами беспредела. Мало того что в зону не дали выйти, лишили необходимых вещей.

– А ты жалобу напиши, может и ответит кто, – сказал Лаптев и громко рассмеялся, брызгая слюной в лицо Белому.

Лаптев был до крайности любезен и в конце разговора стал подчёркнуто вежливым. Правда, глаза неожиданно стали напоминать маленькие острые куски льда. Человеку не в силах было выдержать напряжение глаз собеседника, которое беспощадно уничтожало слабые, почти незаметные попытки сопротивления сильного организма.

Разговаривать было бесполезно и Белый махнул рукой на эту ситуацию. Он понимал, что Лаптев с компанией давно прикормил и прокурора по надзору и судью, который приезжает в зону для послабления режима содержания некоторым осуждённым.

В обед шнырь¹⁰ открыл кормушку и забросил в камеру Белого не большой пакет плотно перетянутый скотчем. Белый решил, пока идёт обед не рисковать и спрятать его в тайник. Когда

¹⁰ Шнырь – заключённый, взявший (иногда под давлением со стороны других заключённых) на себя обязанность убирать камеру, барак, производственное помещение, выполнять работу, которую обязаны делать по очереди. За эту работу он получает определённую плату продуктами, сигаретами, деньгами. Шнырь считается козлом уже по самой должности.

в коридоре прекратился стук и грохот бочков с едой и тарелками, узник зубами разорвал пакет и вытащил из него сигареты, чай, спички и новенький аккумулятор для телефона. Коротенькая малява¹¹ была написана корявым почерком Червонца. Он обещал прийти на выходных с хорошими новостями. Белый достал сигарету и закурил. В голове зашумело, руки и ноги стали ватными и слегка подкосились. «Давно не курил», – подумал Белый и уселся на корточки спиной к двери. Он не сразу увидел в пачке с сигаретами туго набитую папиросу. Не обратил внимания. Только уже ближе к вечеру заметил и вытащил приготовленный братвой косяк. Где – то вдалеке он услышал песню Михаила Круга «Владимирский централ».

– Эй, вы там, – забарабанил он в дверь. – Сделайте музыку громче, не вам же одним слушать.

– Кто там умный и дерзкий? Ты Белый? Я сейчас проведу воспитательную работу дубинкой и песня для тебя закончится в санчасти.

Белый притих, однако услышал, что громкость увеличили. Он вытянул папиросу, наслонив края, закурил. Конопля оказалась на редкость крепкой и буквально сразу очертания камеры изменились. Зрение стало более острым, обстановка обрела необыкновенную глубину и замысловатые оттенки. Музыка отчётливо доносилась до ушей заключённого, и он слышал каждое слово и ноту. Расстояние между приёмником и камерой сократилось настолько, что осуждённому казалось, будто он присутствует на концерте. Аппетит разыгрался волчий и Белый за пять минут, уничтожил все нехитрые запасы продуктов. От одного вида сала с мясной прослойкой текли слюнки. Утолив голод, Белый сделал из тряпок факел и заварил чай. Душистый аромат напитка приятно кружил голову. Улёгшись на шконку Белый в своих фантазиях ощущал себя на свободе с любимой и желанной девушкой. Ему казалось, что они на берегу моря, волны мирно раскачивают надувной матрас, на котором они с Леной плывут подальше от берега и посторонних глаз. Лена смеётся озорным и залихватским голосом. Её нежная кожа блестит на солнце, и Белый крепко обнимает дорогого сердцу человека. Так он и задремал с улыбкой на усталом лице. Проснулся среди ночи от холодного ветра проникавшего в тесную камеру из щелей. Во рту после папиросы ощущалось сухость. Он сделал несколько глотков воды и пополоскал горло. На наре лежал запасной аккумулятор и Белый полез в тайник за телефоном. Вставив батарею и включив аппарат, он тут же получил уведомления о пропущенных звонках. Пересматривая сообщения он увидел, что телефон Лены, по которому он пытался к ней дозвониться снова в сети. Набрав номер он услышал гудки и с облегчением выдохнул. Однако радость сменила полное недоумение и досада. Трубку взял парень, и на вопрос о том, как к нему попал этот телефон ничего не смог ответить вразумительного. Он видно был пьян или под наркотой и заплетающимся языком болтал всякую ахинею.

– Послушай дружище, – не выдержал Белый и гневным тоном взял инициативу в разговоре в свои руки. – С тобой рядом есть кто – то трезвый? Дай ему трубку. Зачем? Это я постараюсь объяснить.

В трубке нависла минутная гнетущая тишина. Потом издалека долетели мужские и женские голоса и звуки музыки. Белый терпеливо ждал, хотя интуиция ему подсказывала что всё настолько плохо, что правду лучше не знать. Он ошетинился и напрягся и готов был услышать самое худшее.

– Ты кто? – услышал он крепкий мужской бас.

– Мне нужна хозяйка этого телефона. Позови её или объясни, как к тебе попал этот мобильник, – сказал Белый, негодуя от ненависти. Если бы этот урод оказался сейчас рядом Белый задушил бы эту тварь голыми руками.

¹¹ Малява – записка, письмо, в отличие от ксивы более частного характера, но в некоторых случаях слова употребляются и как взаимозаменяемые.

– Нет её и больше не будет, – ответил собеседник и загоготал, словно черноморская чайка.

– Как не будет? Ты можешь толком объяснить?

Белый перешёл на крик, не задумываясь над тем, что может переполошить весь СУС. В эти минуты ему было на всё плевать и интересовал единственный вопрос.

– Умерла твоя подружка, чувак, сдохла как бездомная облезлая кошка, – гнусным голосом выдал собеседник и выключил телефон.

Узник так и остался стоять в немом оцепенении с телефоном в руках. Слова, которые он услышал, на какое – то мгновение парализовали тело и разум. Сердце бешено колотилось, кровь хлынула к голове и Белый закричал страшным нечеловеческим, звериным рёвом: «А – а – а, твари, суки...». Потом принялся колотить кулаки в стену, разбивая костяшки в кровь. Он бил руками и ногами в стены и кричал до тех пор, пока в камеру не залетели двое охранников и не принялись избивать его резиновыми дубинками. Белый не сопротивлялся и даже не пытался дать сдачи. Ему не хотелось жить с тем что он узнал, ни капли не сомневаясь, что незнакомец сказал правду. Всё это было выше его сил. Свалившись на пол теряя сознание, он харкал кровью и задыхался. Менты бросив дубинки на цементный пол и поднимая до потолка пыль принялись избивать Белого ногами, и так продолжалось до тех пор, пока несчастный заключённый не перестал дышать.

Глава 9

Семён Абрамович торопился на встречу с Протасовым. Он заранее с ним созвонился и сейчас ждал на остановке автобус, нервно поглядывая на старенькие советские часы «Луч» на руке. Ночью шёл дождь, погода испортилась буквально за один день и старческий радикулит давал о себе знать. Старик скривился и посмотрел по сторонам. Никого рядом не было, и он принялся растирать пальцами поясницу. В кармане куртки у него лежали фотографии, которые он периодически трогал руками дабы убедиться в том, что не забыл их дома и не потерял по пути. От предложения встретиться на свежем воздухе в парке Протасов не отказался и Семён Абрамович в десятый раз подходил к дороге и выглядывал, выбившийся из расписания автобус. И вот, наконец, из – за поворота показалась практически пустая машина. Не скрывая своих чувств Семён Абрамович уселся в мягкое кресло автобуса и по прежней одесской привычке с молодецким задором шутил с водителем. Парень лет двадцати пяти ответил добродушному пассажиру и с иронией на лице улыбнулся. Автобус был практически пустой и редкие пассажиры таращились в окна не обращая внимания на вновь входящих. Семён Абрамович рассматривал неприветливый, унылый город после дождя и в глубине души в сотый раз жалел о том, что пришлось покинуть горячо любимую Одессу. Зрение у него, не смотря на возраст, было отменным, читал газеты и журналы без очков и редко когда пользовался дополнительными «фарами», так он любил называть навязанные окулистом очки. Протасов уже стоял и ждал у входа в парк и Семён Абрамович помахал ему рукой. Тот издали заметил своего нового клиента и направился на остановку.

– Рад вас видеть в добром здравии, Семён Абрамович, – сказал Сергей улыбаясь и протягивая руку.

– Да какое там, уважаемый Сергей Иванович, доброе здравие? Жив и слава Богу, и имею вам что – то сказать.

Он улыбнулся и прищурился, не опуская глаз с коренастой фигуры Протасова.

– Вы видите какая погода? Ещё вчера светило солнце и было всё хорошо. И на тебе, этот дождь нарушил все планы. Внуки так расчесали мне нервы, что я почти всю ночь не спал.

Он взял Протасова под локоть и они медленно направились к парку. Прохлада и лёгкий ветерок трепал волосы Сергея, и он не успевал их правой рукой улаживать обратно.

– Не бережёте вы себя, Сергей Иванович. Но разве можно ходить без головного убора в сырую и ветреную погоду.

Он натянул на лоб кепку, чтобы козырёк прикрыл глаза от ветра.

– Мне не холодно, уверяю вас, Семён Абрамович.

Протасову нравился этот душевный старик, и он в который раз согласился в глубине души с тем, что поступил правильно, не отказав ему при первой встрече. Не всегда Сергей брался за работу хоть и предлагали хорошие деньги. Если Протасову клиент не внушал доверия, тогда никакая, пусть даже астрономическая сумма денег не могла заставить его взяться за работу. У него существовали свои принципы и взгляды на жизнь, и он не собирался их нарушать. Когда они подошли к одинокой облезлой скамейке Семён Абрамович вытащил из внутреннего кармана куртки газету и бережно, как обычно делают пенсионеры, расстелил её.

– Так будет лучше, – сказал он и первым уселся. – Гляньте, я принёс фотографии.

Он вытянул пачку фотографий завернутых в пожелтевшую газету.

– Так, так, интересно, интересно, – ответил Протасов, аккуратно перебирая фотографии. – Семён Абрамович, я хоть человек и военный, но в холодном оружии плохо разбираюсь. Давайте так, вы мне о каждой вещице расскажите подробно. Хорошо? Ну вот, например, что это за нож или стилет? Какой – то он странный, человеческая голова вместо набалдашника. Я никогда раньше не встречал подобных ножей.

– Ой, дорогой вы мой, моя коллекция относится к истории древних инков. Это XI–XVI века, тогда оружие использовалось для жертвоприношений. Редчайшие вещи, уверяю вас, у меня ушло половину жизни, чтобы собрать исторический ценный материал.

– Но откуда, если не секрет у вас столь древние вещи?

– Часть привозил мой старинный приятель, капитан дальнего плавания, Фима. Свою жизнь он отдал морю, и в последнем рейсе, к сожалению умер. Сердце не выдержало. Царство ему Небесное!

– Скажите это настоящие ножи или искусные подделки?

– Что вы, что вы, разве Семён Абрамович похож на человека, который станет платить деньги за подделку? Это подлинники, причём есть такие экземпляры, которых на земле осталось считанные единицы. Они осели в музеях, и никогда не были в частных руках. Фима находил их случайно и выменивал на всякое барахло. В то время он и сам не представлял истинной стоимости одного экземпляра. Я щедро платил ему, чтобы он никогда не обижался на Семёна. Этот нож называется Пхурбу – тибетский ритуальный трёхгранный кинжал. Если перевести с тибетского «гвоздь» он видите и похож на обычный гвоздь. Какой красавец, Фима его привёз самым первым и просто подарил мне в знак нашей дружбы. Вот с этого «гвоздя» и началась моя коллекция. Используется этот нож для изгнания злых духов из тела методом нанесения колющих ударов, как по теням духов так и по чашам со священным рисом. Но могут использовать и на живом человеке. Я не пробовал на практике, скажу честно, – Семён Абрамович рассмеялся, доставая из кармана платок, вытер влажные губы и чуть распухший нос.

– Обратите внимание на рукоять. Она сделана в виде трёхликого божества Махакала. Три грани клинка как символ прошлого, настоящего и будущего. Фигура змеи на клинке символизирует энергию кундалини, издревле почитаемую в Тибете. Он очень острый, и никто и никогда не точил его, кроме конечно мастера сделавшего этот оригинальный нож. Все камни настоящие, я проверял у одного из лучших ювелиров Одессы. Когда он увидел его и взял в руки едва меня не обидел, сказал, что я с мозгами поспорил.

– Почему?

– Потому что хранить и иметь такую вещь у себя дома, всё равно что владеть атомной бомбой. В личном пользовании, вы понимаете меня?

– Понимаю, как не понять. Сколько он стоит сейчас среди любителей древности?

– Старая, человек видит хуже, но больше. Я не могу ответить на этот вопрос. Не всё можно измерить в долларах или евро, поверьте моему опыту. Человек должен жить хотя бы ради любопытства, дорогой вы мой Сергей Иванович.

– И всё – таки, как вы думаете? Сто тысяч, двести, триста? Или больше?

– Может и так, всё зависит, для какой цели его покупать. Если себе любимому в коллекцию, тогда тысяч сто пятьдесят, но если для определённой цели и ты знаешь какой именно, можно и за миллион продать.

Глава 10

Николай по прозвищу Птица, из – за своего длинного горбатого носа, уже около часа крутился во дворе многоэтажки. Делал вид, что ждёт кого – то, хотя на самом деле наблюдал за одним из подъездов. Напускное равнодушие, отсутствие моральных принципов и наркотическая зависимость, гнала Птицу на любое преступление ради денег. Он метался по городу в поисках случайного куска хлеба, не всегда законного. Одно время тащил с кладбища оградки и заброшенные памятники из железа, и не плохо при этом зарабатывал. Но всё «хорошее» рано или поздно заканчивается. Так случилось и у Птицы, Николая Сурова, когда он в очередной раз с инструментом притащился вечером на городское кладбище. И только начал своё гнусное дело, как откуда не возьмись, появились гробовщики не много не мало человек пять. Бежать уже было бесполезно и Птица взяв в руку лом принялся им размахивать. Надолго его не хватило, и уже через минуту лом валялся на земле, а незадачливого похитителя кладбищенского инвентаря во всю обрабатывали крепкими кулаками гробовщики. Ему крупно повезло, что живьём не закопали в пустую могилу. Один из гробовщиков, сурового вида мужик в наколках, хотел его бросить в яму и засыпать землёй. Кореша вовремя того остановили и это и спасло жизнь Птице. С поломанными рёбрами, носом, и кучей ушибов и синяков Николай едва притащился домой. Старенькая бабушка уже спала и он абы как смазал раны зелёной и перебинтовал, и завалился в грязной одежде на кровать. После этого случая он зарёкся никогда не заниматься воровством железа и переключился на машины. Привыкший к работе по ночам, Николай за неделю обчистил с десятков машин одиноко стоявших ночью у подъездов. Менты объявили вознаграждение за поимку автомобильного грабителя, и даже жильцы домов устраивали засады, но хитрый и матёрый Николай всегда успевал убежать прежде чем появлялся владелец машины или милиция. Набрав полную сумку магнитол, навигаторов, телефонов и прочей техники, он выехал в соседний город и сдал её перекупщикам на рынке за полцены. Получив приличную сумму денег, залёг на дно и не высывался. Вспоминая скуластых и жестоких гробовщиков с кладбища, он всякий раз останавливал себя, прежде чем идти воровать. Соображая, что если заметут на автомобильных кражах, менты и владельцы обворованных машин могут устроить суд Линча. Он просто болтался вечерами по городу и посмеивался с незадачливых сторожей машин. Наркота стоила дорого и Птица прикидывал в уме другой способ заработка. Он боялся кумаров, так называемой наркотической абстиненции и уже второй день находился практически на подсосе. Расстройство желудка, ломка суставов, заставляла Птицу метаться по городу со скоростью ветра. Уже возвращаясь домой поздно вечером, голодный и злой, он встретил своего старого знакомого Виталика. Тот учился в медицинском институте и тоже был не прочь изредка побаловаться наркотиками. Познакомились они в ресторане «Астория», куда незадачливый Николай принёс пакет с документами хозяину заведения. Виталик там отдыхал с друзьями и кайфовал на полную катушку. Друзья Виталика показались Птице подозрительными и по уши связанными с криминалом, однако «дарёному коню в зубы не смотрят» и когда Николаю перепала халявная доза героина, он счёл это подарком судьбы. С тех пор они пару раз пересекались, но в серьёзные отношения связанные с наркотой или криминалом не вступали.

– Привет друг, хреновенько выглядишь, – сказал Виталик, искоса с жалостью в глазах, поглядывая на угнетённого болезненным состоянием Николая. Виталик сразу раскусил симптомы «болезни» и сокрушённо кивал головой. Птица был личностью неприметной, одевался неряшливо, с жирными пятнами на рубашке и брюках, опустил виноватые глаза стал похож на уличную шпану, времён НЭПа. Не хватало папироски в зубах и характерной кепки.

– Болею, у тебя случайно не чем здоровье поправить? – спросил он, заглядывая в глаза сытому и довольному жизнью Виталику.

Тот стоял и смотрел на Птицу сверху вниз, с брезгливой физиономией. Николаю показалось, что он стоит перед барином, которому он почистил сапоги и тот вот – вот должен бросить за работу пятак. От Птицы воняло как из помойной ямы и Виталик скривился, и едва не шарахнулся в сторону.

– На дозу надо заработать, Птица, халява давно изжила себя как испорченный неправильным хранением калорийный дорогостоящий продукт.

Он уже собирался уходить, когда внезапно остановился и хлопнул себя по лбу: «Вспомнил! Есть работа, как раз по твоему профилю. И дело пустяшное, но десять косарей упадут прямо сейчас».

Птица не мог поверить словам Виталика и стоял лыбился будто шизофреник после укола галоперидолом.

– Что, что надо делать, говори я на всё согласен, – ответил он, сверкая алчными глазами.

– Давай в сторонку отойдём, чтобы случайный прохожий не подслушал.

– Так нет никого, – удивился Николай.

– «Бережёного Бог бережёт», короче Птица, тебе деньги нужны или нет? За такие бабки любой согласится работать. Дело плёвое, уверяю тебя.

Они отошли к широкому ветвистому дереву, и там Виталик рассказал, где и кого нужно будет ограбить. И самое главное, что необходимо любой ценой, эти слова он повторил дважды, вытащить чемодан. Он описал старого еврея, где находится квартира и в каком месте спрятан заветный чемоданчик.

– Вот ключи от квартиры, – показал Виталик и потряс перед испуганным лицом Птицы. – Согласен?

И вот сейчас Николай ходил по двору и ждал когда Семён Абрамович выйдет во двор и усядется на скамейку. Виталик в тот вечер с ним рассчитался и сейчас ждал в машине, за пару кварталов от двора. Семён Абрамович вышел из подъезда и направился к скамейке. Николай его сразу узнал по характерной манере ходить. Таким его портрет обрисовал Виталик. Всё в точности совпадало. Птица опустил голову как можно ниже, поднял воротник куртки и зашагал к подъезду. Прошмыгнув незаметно возле старика, он заскочил в подъезд, и закрыл дверь на засов. Так подсказал ему сделать Виталик, на всякий случай, если вдруг старому еврею прищипит в туалет, или ещё нарисуетсся какое – то форс мажорное обстоятельство. Птица на ходу вытащил ключи и натянул лайковые перчатки. Отпечатки пальчиков он оставлять не хотел. Если они попадут к ментам, те быстро «нарисуют картину маслом» и определят, что квартирная кража и взлом машин дело рук одного человека. Тем более он не знал, что в чемодане. «А может там золото? Или деньги...», – думал он, дрожащими руками открывая металлическую дверь. Глазки соседских дверей он залепил жвачкой и сейчас, словно привидение, протискивался в тёмную квартиру. В нос ударил запах валерьянки и Птица едва не упал на пол споткнувшись об большого и жирного кота. Эта скотина развалилась прямо в коридоре и не желала никого пропускать. Дав увесистого пинка коту, он шмыгнул в дальнюю комнату и увидел блестящий холёными боками от лака шкаф. Потирая руки от зашкаливающего адреналина он открыл шкаф и заметил в углу коричневый кожаный не большой чемодан.

– Привет! Не ждал меня, – бросил он в темноту, и тужась вытянул чемодан.

– Не хера себе, здесь не меньше двадцати пяти килограмм, как же нести?

Птица почесал за ухом и хотел заглянуть внутрь чемодана, но тут появился хозяйский кот и принялся шипеть на незваного гостя.

– Брысь, иначе я за себя не отвечаю, – Николай сжал кулак и пригрозил им коту. Тот воспринял этот жест как угрозу для его кошачьей жизни и бросился на ногу к грабителю. Острые как бритва когти впились в ногу и Николай взвыл от боли. Не раздумывая, он врезал кулаком по голове коту. Тот бросил свою добычу, и едва устояв на лапах, сиганул в другую комнату.

– Так – то лучше, сволочь мохнатая, будешь знать, как себя вести когда в доме гости.

Взяв чемодан и пыхтя как чайник, Николай едва ковыляя медленным шагом направился к двери. Чемодан бил по голени и грозил раздавить ногу в лепёшку в том случае, если его выпустить из рук. Из внутренностей чемодана раздавался глухой металлический стук. «Что же там внутри?» – думал Птица, подтаскивая чемодан за ручку к двери.

Остановившись и переводя дыхание, он прислушался к звукам из подъезда. Там стояла тишина и никого из посторонних не наблюдалось. Бросив прощальный взгляд на квартиру он пожалел о том, что не смог ещё, что-нибудь прихватить ценное. Здесь явно было чем поживиться. Прикрывая дверь он хотел её закрыть на замок, когда услышал, что кто – то внизу стучит в парадную дверь и пытается её открыть. Плюнув на замок и бросая дверь нараспашку, Николай рванул вверх, на чердак. Тот был открыт и Птица затащил чемодан и тут же завалил дверь досками. «Даже если кто – то догадается пуститься за мной в погоню, он не сможет быстро открыть эту дверь», – думал он, протискиваясь сквозь строительный хлам, которым был заставлен чердак. Пока он добрался до спасительного выхода в другом конце дома, рубашка у него промокла насквозь. Вытирая рукавами куртки пот, он тяжело дышал. Спустившись с чердака как мог, привёл себя в порядок и с опаской выглянул на улицу. Скамейка возле подъезда пустовала, детвора с мамками с сигаретами в зубах играла в песочнице. Выйдя с безмятежным видом с чемоданом в руке, он тут же юркнул за дом и быстрым шагом направился к машине. Виталик уже ждал его, и как только Николай приблизился, вырвал у него чемодан, уселся в машину, не сказав при этом ни слова, уехал. Николай так и остался стоять с вытупленными глазами и таращиться вслед исчезающей за поворотом машине.

Глава 11

Лена незаметно проскочила мимо медсестёр, увлечённо следивших за очередной мыльной оперой по телевизору, и вышла в просторный холл. Там стоял невысокий парень в спортивном костюме с планшетом в руках и что – то печатал. Лена открыла дверь и спустилась по лестнице вниз, в приёмный покой. Полумрак и тишина в больничных коридорах нагоняли смертельную тоску. Она увидела дверь с надписью «дежурный персонал» и тихонько постучала. Уже знакомый голос ей ответил: – Входите, не заперто.

– В гости можно? – спросила она, приоткрывая дверь и с непривычки прищуриваясь от яркого света огромной изящной люстры в кабинете.

– Проходи, проходи, – ответил бодрым голосом Виталик и приглушил звук телевизора стоявшего на маленьком столике в углу кабинета около красивой с восточными рисунками на круглых боках вазы с цветами.

– Я не сомневался, что ты придёшь, – сказал Виталик и глянул на Лену снизу вверх.

– Откуда такая уверенность?

– Не знаю, если честно. Мне показалось, что тебе одиноко и нужен хороший и компанейский собеседник.

Лена вошла и осмотрелась. Кабинет был просторным и светлым. Длинный полированный стол посередине, сбоку диван и два кресла, большое окно закрывали жалюзи. В кабинете работал едва слышно кондиционер, и ощущалась прохлада и свежий воздух. С облегчением вздохнув, Лена улыбнулась. Наверное, это единственное место во всей больнице, где не ощущался противный запах лекарств.

– Не стой на пороге, проходи и присаживайся, – предложил Виталик, поднявшись с дивана, указал рукой на кресло.

– Замечательно, что ты пришла, тоска и безделье надоело до такой степени, что не знаешь куда себя деть. По телеку ничего нет – дурацкие боевики, все с одним сюжетом. Противно смотреть, Голливуд изжил себя, сгнил изнутри и оказался протухшим как рыба на песчаном берегу. До утра ещё ой – ёй – ёй, сколько времени. Что будешь: чай, кофе или лимонад?

– Если можно чай, – ответила слабым голосом Лена и улыбнулась.

Ей нравился этот открытый и жизнерадостный парень. В нём чувствовалось неподдельная искренность, хотя она могла и ошибаться. Но в эти минуты ей было абсолютно всё равно, лишь бы прогнать печальные мысли и забыть о своих проблемах. Виталик был худощав, стройный, с прямым добрым взглядом. Карие задорные глаза парня хранили секреты, которые Лене захотелось узнать. Уверенность в себе и внутренняя сила Виталика притягивала магнитом, и Лена смотрела на своего нового знакомого в глубине души им восхищаясь. Он был для неё практически ровесником, и уже через пять минут общения с ним, ей казалось, что они знакомы со школьной скамьи. Виталик много шутил, рассказывая смешные истории из своей медицинской практики. От смеха у Лены уже разболелся живот, и она попросила Виталика больше не шутить.

– Не буду, – ответил Виталик и замахал театрально руками. – Бери печенье, я сейчас ещё нагрееу чайник.

– Спасибо, – ответила Лена и потянулась к вазочке с печеньем.

– Лимон положить в чашку?

– Если можно конечно, – ответила Лена и посмотрела на телевизор.

Там шёл какой – то боевик и главный герой Брюс Уиллис с автоматом в руках защищал маленькую девочку, прикрывая её своим телом. Виталик повернулся к Лене спиной и незаметно, насыпал белый порошок в чашку, залил кипятком, убедившись в том, что всё раство-

рилось, поставил чашку с блюдцем возле Лены. Она настолько увлеклась фильмом, что даже не заметила манипуляций Виталика и вздрогнула, когда увидела перед лицом чашку с чаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.